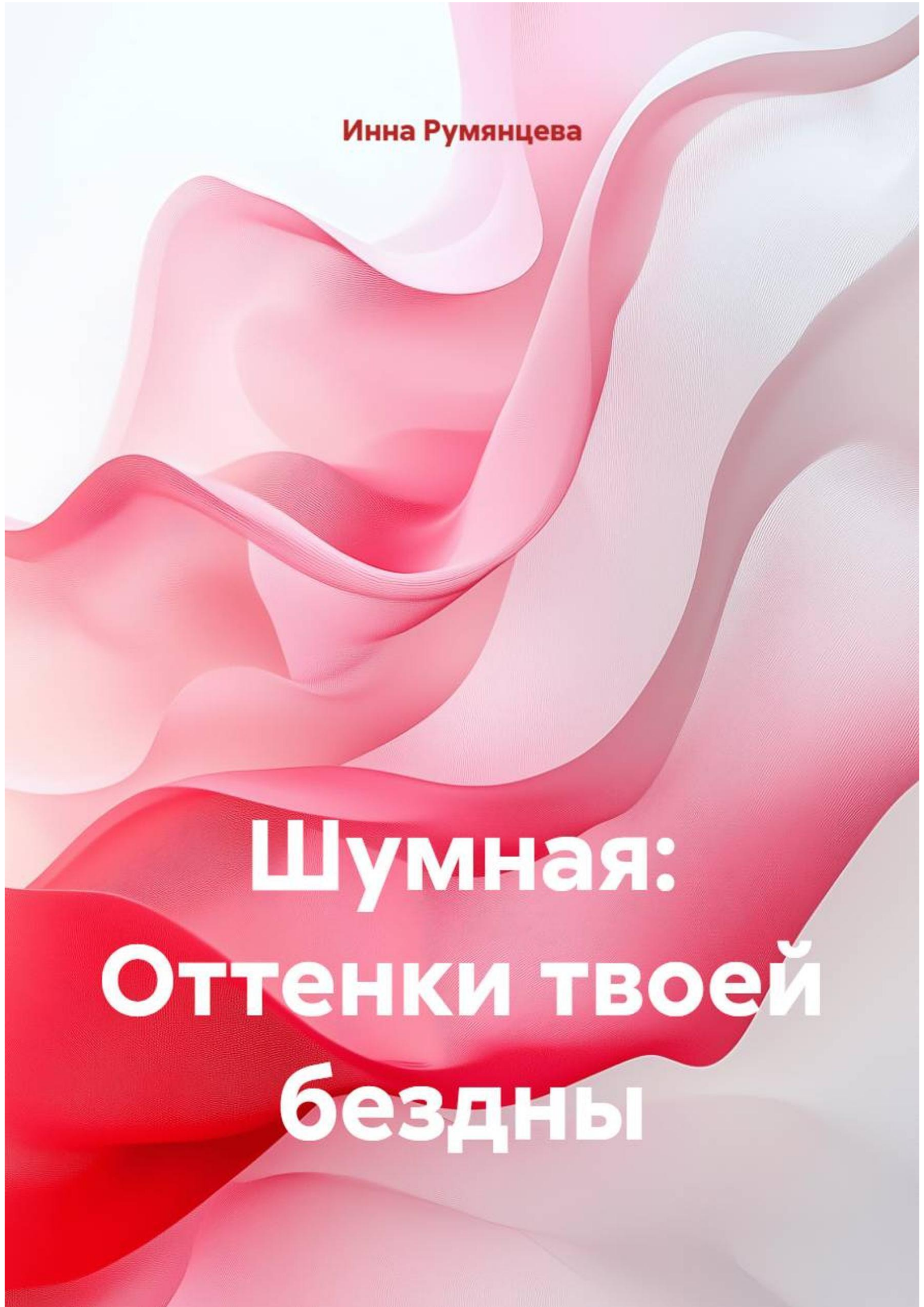

Инна Румянцева

**Шумная:
Оттенки твоей
бездны**

Инна Румянцева

Шумная: Оттенки твоей бездны

«Автор»

2026

Румянцева И.

Шумная: Оттенки твоей бездны / И. Румянцева — «Автор»,
2026

Что происходит с историями, которые мы бросили? Они не исчезают. Они попадают в Чертог. Эйра приходит в себя в мире, где оседают все незаконченные рукописи, недописанные дневники и мысли, которые люди побоялись додумать. В реальности она в коме, а её мать готовится подписать отказ от аппаратов жизнеобеспечения. Хозяин Чертога, человек в сером костюме с кошкой на коленях, предлагает ей сделку. Но его проводники, Странник и Волчица, предупреждают: истинная плата за выход — не артефакты, а завершение собственной истории, брошенной много лет назад. В Лабиринте, сердце Чертога, Эйра встречает Арлена — юношу с серебряной прядью, который ждал её семь лет. Он отдаёт ей частицу своей души. А когда Эйра просыпается в больнице, медальон — настоящий, тёплый — остаётся при ней. И в лесу за окном она видит серебристого волка с серыми глазами Арлена. Для поклонников, кто любит истории о границе между сном и явью. Атмосферное тёмное фэнтези о любви, которая сильнее физической формы, и о сказках, которые не умирают, пока мы их помним.

© Румянцева И., 2026

© Автор, 2026

Инна Румянцева

Шумная: Оттенки твоей бездны

ШУМНАЯ: ОТТЕНКИ ТВОЕЙ БЕЗДНЫ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тем, кто считал себя сломленным.
Тем, кто восемь лет не плакал — или три тысячи.
Тем, кто прятал свою тьму и боялся, что её увидят.
И тем, кто встретил кого-то, кто увидел — и не отвернулся.

Эта книга — вам.

А ещё — Тому, которого я не спасла. Ты знаешь, о ком ты.

ЭПИГРАФЫ

«Есть розы, которые цветут только на могилах. Есть любовь, которая начинается только в бездне. И есть города, которые построены из слёз и золота, — и имя им Элизиум».

— Готическая легенда

«Есть только два способа прожить жизнь. Первый — считать, что чудес не бывает. Второй — считать, что всё вокруг — чудо. Я выбрала третий: поверить, что чудо — это ты».

— Из дневника Элларии, найденного в палате №7

«Три тысячи лет я не чувствовал ничего. А потом она упала с моста — и я почувствовал боль. Если это проклятие — я не хочу исцеления».

— Кассиан

ПРОЛОГ. ЭЛЛАРИЯ. ЗА МИГ ДО ПАДЕНИЯ

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. У меня пронеслась только одна мысль: «Наконец-то».

Дождь барабанил по лобовому стеклу, и в свете фар капли казались серебряными гвоздями, вбиваемыми в темноту. Машина была моим убежищем — маленький островок тепла среди ноябрьской бури. «Дворники» скрипели, как маятник старинных часов — размеренно, монотонно, гипнотически, — отсчитывая секунды до того, чего я ещё не знала. Я любила этот звук. Он был единственным, что нарушало тишину в моей голове.

Я не хотела умирать. Но я не боялась. Правда в том, что я не боялась уже давно. Страх ушёл незаметно — может быть, через год после смерти Тома, может быть, через два. Сначала исчез страх смерти, потом — страх одиночества, потом — страх будущего. На их место пришла пустота. Не чёрная, не страшная — просто серая, как ноябрьское небо. Я просыпалась с этой пустотой каждое утро. Она лежала на груди — тяжёлая, бесформенная, — и я дышала сквозь неё. Чистила зубы, пила кофе, ходила на лекции, чертила проекты мостов и соборов, смеялась над шутками однокурсников — и всё это время внутри была тишина.

Не острая боль. Не крик. Не рыдание. Просто отсутствие. Как будто кто-то выключил звук и цвет, оставив только серую картинку и белый шум. Как будто я была радиоприёмником, который потерял волну и теперь транслирует только помехи.

Психолог, к которому я однажды ходила — ровно один раз, по настоянию куратора, — сказал что-то про «дистимию» и «затяжную депрессию». Я сидела в его кабинете, смотрела на дипломы в рамках и думала: «Ты не понимаешь. Ты не можешь понять. Ты не был там, на реке, когда вода была ледяной, а Том кричал». Я не вернулась на второй приём. Мне не нужен был диагноз. Мне нужно было понять, почему я живу с чувством, что настоящая жизнь где-то в другом месте, а здесь — только ожидание. Ожидание чего-то. Или ничего.

После смерти Тома всё стало именно так. Мне было четырнадцать, ему — семь. Разница в семь лет — это пропасть в детстве, но мы были близки. Он любил драконов. Я читала ему на ночь — не сказки про принцесс, а энциклопедию про драконов, которую он знал наизусть. Он говорил: «Элла, когда я вырасту, я стану драконологом». Я смеялась: «Такой профессии не существует». Он отвечал: «Значит, я буду первым».

В тот день мы поехали на реку. Мама читала книгу на берегу, в тени старой ивы, папа разводил костёр для шашлыков, и дым поднимался к небу, смешиваясь с запахом сосны. Я должна была присматривать за братом. «Элла, не отходи от него», — сказала мама, не поднимая глаз от страницы. «Конечно», — ответила я. Я помню, как он бежал к воде — босиком, подворачивая штаны, с криком: «Элла, смотри, какая вода тёплая!» Май, река только вскрылась, вода была ледяной, но ему было всё равно — он был семилетним мальчиком, который любил приключения.

Телефон завибрировал. Сообщение от одноклассника — что-то глупое, мем или шутка, я уже не помню. Я открыла его. Я читала. Я улыбалась. Я набирала ответ. Сколько это заняло? Тридцать секунд? Минуту? Две? Этого хватило. Том зашёл в воду слишком глубоко. Течение было сильным — май, река только вскрылась, вода поднялась после таяния снегов. Его крик я помню до сих пор. Не слова — просто высокий, захлёбывающийся звук, который оборвался слишком быстро.

Я побежала. Телефон выпал из рук и разбился о камни — я даже не заметила. Я прыгнула в воду — ледяную, обжигающую, — и ныряла снова и снова, пока не посинели губы, пока спасатели не вытащили меня на берег. Его нашли через час, ниже по течению. Там, где река делала поворот и росли старые ветлы, чьи ветви касались воды.

На похоронах шёл дождь. Я стояла у гроба — маленького, белого, — и смотрела на его лицо. Он казался спящим. Просто спящим. Я ждала, что он откроет глаза и скажет: «Элла, я пошутил. Пойдём читать про драконов». Но он не открыл. Мать не плакала. Стояла, прямая

как струна, и смотрела в одну точку. Отец держал её за руку, и его пальцы дрожали. Я стояла рядом и чувствовала... ничего. Пустоту. Которая с тех пор не проходила.

Я не плакала на похоронах. Не плакала на поминках. Не плакала, когда разбирала его вещи — маленькие машинки, книжку про драконов, рисунок, где мы с ним держимся за руки, и солнце над нами похоже на золотой апельсин. Ни слезинки. Врачи говорили — шок. Психолог — диссоциация. Я говорила — трусость. Я должна была плакать, но не могла. И с тех пор разучилась.

Восемь лет. Восемь лет серого неба внутри. Я окончила школу — потому что нужно было. Поступила в университет — потому что нужно было. Выбрала архитектуру — потому что строить здания было проще, чем строить отношения. Мосты на бумаге получались идеальными: точные расчёты, чистые линии, никаких эмоций. А в жизни я сжигала их один за другим. Подруги? Нет, приятельницы — с ними можно было выпить кофе и поговорить о пустяках, но не о Томе. Никогда о Томе. Парни? Несколько попыток, все оборванные мной — когда становилось слишком близко, слишком тепло, слишком страшно. Я не могла рисковать. Риск означал потерю. А ещё одну потерю я бы не пережила.

И вот теперь — дождь, машина, фура. Я возвращалась с защиты диплома. «Готические соборы Северной Европы: архитектура света и тени». Я получила высший балл. Научный руководитель сказал: «У вас блестящее будущее, мисс Винтер». Я улыбнулась и подумала: «Будущее. Какая ирония». Я думала о соборах — о том, как средневековые архитекторы строили их так, чтобы свет, проходя через витражи, создавал ощущение присутствия Бога. Свет как метафора божественного. Тьма как метафора человеческого. А между ними — мост. Неф. Пространство, где встречаются земное и небесное.

Фура вылетела на встречную полосу, и её фары были как два белых солнца — слепящих, неотвратимых, божественных в своей безжалостности. Водитель уснул за рулём — я узнала это позже, из протокола. В тот момент я видела только свет. Белый, нарастающий, заполняющий всё. Я думала о готических соборах, которые рисовала для диплома, — о шпилях, пронзающих небо, о каменных горгульях, которые смотрят в вечность, о витражах, которые превращают обычный свет в сакральный. Теперь я сама стала горгульей — падающей. Летящей в бездну, которая пахла озоном и серебром.

Я вывернула руль. Инстинкт. Глупый, бессмысленный инстинкт — уйти от удара. Машину занесло на мокром асфальте. Удар пришёлся в бок — не такой сильный, как мог бы быть, но достаточный. Мир перевернулся — небо стало землёй, земля небом. Скрежет металла. Звон стекла — оно осыпалось дождём, смешиваясь с настоящим дождём. Мой собственный крик — короткий, оборванный.

А потом — тишина.

Не та тишина, которая бывает ночью в пустой квартире, а другая. Глубокая. Вязкая. Как вода, в которую погружаешься слишком долго и уже не хочешь всплывать. Я видела Тома. Он стоял на берегу реки — нашей реки, майской, холодной, с ветлами на повороте, — и махал мне рукой. Не тревожно, не испуганно. Приглашающе. «Иди сюда, Элла. Здесь хорошо. Здесь нет боли. Здесь нет вины».

Я хотела пойти. Я сделала шаг — и вода уже коснулась моих ног, тёплая на этот раз, не ледяная. Я видела его лицо — он улыбался своей щербатой улыбкой, той самой, которой улыбался, когда просил почитать ему перед сном.

Но что-то держало.

Чьи-то пальцы сжимали моё запястье. Ледяные. Сильные. Я не видела лица — только чувствовала холод, который пронзал до костей, до сердца, до того места, которое восемь лет было пустым. И голос — низкий, вибрирующий, с металлическим привкусом — звучал в голове, перекрывая тишину: «Ты шумная. Из-за таких, как ты, просыпается Архитектор. А когда он просыпается, кто-то перестаёт дышать. Наверху».

Я не знала, кто такой Архитектор. Не знала, чей это голос. Но он не дал мне уйти. Он держал меня — крепко, до боли, до вскрика. Держал, пока тьма не расступилась и не сменилась золотом.

А потом я упала.

ПРОЛОГ. КАССИАН. ЗА ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ДО НЕЁ

Боль — это единственное, что не умеет лгать.

Я помню день, когда перестал быть человеком.

В Элизиуме не бывает дней в вашем понимании. Здесь вечный закат, застывший на линии горизонта, как кровь, не успевшая свернуться. Золотой свет льётся отовсюду и ниоткуда. Он не греет. Он просто есть — как есть стены тюрьмы, в которую ты сам вошёл. Добровольно. С открытыми глазами. Потому что альтернатива была хуже.

Я был молод. Мне казалось, что двадцать три года — это много. Теперь, спустя три тысячи, я понимаю: я был эмбрионом. Тёплым, дышащим, верящим, что справедливость существует. Что если сестру держать за руку, она не потеряется. Что можно быть сильным и при этом — хорошим. Что любовь побеждает.

Мою деревню сожгли, когда мне было десять. Я помню запах — не огня, а горящего дерева и соломы, из которой были сделаны крыши. Помню крик матери — не слов, просто звук, высокий и резкий, как лезвие ножа. Помню, как солдат ударил её — и она упала. Помню, как я бежал, не оглядываясь, потому что если бы оглянулся, меня бы тоже убили. Помню, как прятался в лесу три дня, питаюсь ягодами и кореньями, пока меня не нашёл отряд наёмников. Они могли убить меня — я был тощим, грязным, бесполезным. Но командир посмотрел на меня — и сказал: «Из этого волчонка выйдет толк». Меня взяли. Меня научили держать меч — сначала деревянный, потом настоящий. Научили отслеживать добычу — сначала зверя, потом человека. Научили убивать.

К пятнадцати годам я убил первого человека. Это был мальчишка из враждебного лагеря — может быть, старше меня на пару лет, может быть, такого же возраста. Я не помню его лица. Помню только, как дрожала рука, сжимающая рукоять, и как командир сказал: «Не думай.

Просто делай. Иначе он убьёт тебя». Я сделал. Я не думал. С тех пор я не думал — просто делал. К двадцати годам я командовал отрядом. У меня было золото, власть, женщины. Мне нравилось. Мне нравилось, когда меня боялись. Мне нравилось выигрывать. Мне нравилось быть хищником — потому что хищников не едят.

Я потерял её руку. Всего на секунду. На том самом мосту — золотом, сияющем, прекрасном, как всё в этом проклятом месте. Нас разбросало Переходом. Я упал первым. Айя — позже. Когда я очнулся и побежал искать её, было поздно. Она уже улыбалась. Три миллиметра. Идеально.

Я кричал. Тряс её за плечи. Звал по имени — тем, настоящим, которое нам дали родители в мире, которого я больше не помню. Айя. Айя, посмотри на меня. Айя, это я, твой брат. Айя, пожалуйста. Она смотрела сквозь меня. Сквозь брата. Сквозь всё. Её глаза — голубые, как майское небо в нашем мире, — были пусты. Не злые, не грустные. Просто пустые. Как комната, из которой вынесли всю мебель и забыли закрыть дверь. Как храм без алтаря. Как небо без звёзд.

Тогда я пошёл к Архитектору. Я шёл через город — мимо фонтанов с водой, текущей вверх, мимо улыбающихся теней, мимо Собора Шепота, который высасывал свет из воздуха. Я думал: «Я верну её. Любой ценой». Я не знал, что цена будет такой высокой.

Архитектор ждал меня в тронном зале. Я думал, это будет дворец — с колоннами, с тронном, с величием. Ошибся. Это была пустота — бесконечная, чёрная, с единственным источником света: сотнями глаз, открывшихся одновременно. Он парил в центре — огромный, дрожащий. Мозг с глазами. Позже я узнал, что это не его истинная форма — просто облик, который он выбрал для встречи со мной. Истинной формы у него не было. Он был everywhere. Во всём. В каждой золотой пылинке, в каждой улыбке на три миллиметра, в каждом шёпоте Собора.

— Сделай меня Хранителем, — сказал я. Мой голос не дрожал. Я научился не дрожать.

— Зачем? — Его голос звучал не в ушах — в костях. Скрежет стекла, смешанный с колыбельной. Так мог бы говорить бог, если бы боги существовали.

— Я хочу помнить. Хочу видеть её. Даже такой.

— Ты будешь помнить вечно. Это не дар. Это проклятие.

— Я согласен.

— Ты не понимаешь, на что соглашаешься. Память — это боль. Вечная память — вечная боль. Ты будешь видеть её каждый день. Она будет улыбаться тебе — и не узнавать. Ты будешь звать её по имени — она будет проходить мимо. Три тысячи лет. Пять тысяч. Вечность. Этого ли ты хочешь?

— Да.

Он помолчал. Один из его глаз — самый большой, золотой, с вертикальным зрачком — приблизился ко мне. Я чувствовал его дыхание. Если бы у меня всё ещё было сердце, оно бы остановилось.

— Ты будешь не просто помнить. Ты будешь служить. Хранители — это мои руки в Элизиуме. Ты будешь подавлять шум. Ты будешь отводить нарушителей в Собор. Ты будешь смотреть, как они выходят пустыми. Ты будешь частью системы. Готов ли ты к этому?

— Да.

— Тогда прими метку.

Свет — серебряный, ослепительный — пронзил моё запястье. Боль была такой, что я потерял сознание. Когда очнулся, на коже была змея, кусающая себя за хвост. Уроборос. И на одной чешуйке — скол. Трещина. Я узнал позже, что это значит: Архитектор пытался стереть мою память об Айе, но не смог до конца. Что-то во мне сопротивлялось. Что-то не подчинилось. Это «что-то» станет моим проклятием — и моим спасением.

Первые сто лет я строил планы. Я искал союзников. Нашёл Азраила — такого же Хранителя, как я. Мы были братьями по оружию. У него была Лира — смертная, которую он любил. Лира была из новоприбывших. Шумная, как все они. У неё были рыжие волосы и смех, похожий на колокольчики — серебряные колокольчики, которые звенели в тишине Элизиума, как святотатство. Азраил влюбился мгновенно — это было видно по тому, как он смотрел на неё. По тому, как его тень — у него была тень-сокол — переставала метаться, когда Лира была рядом. Он прятал её в катакомбах, как я потом прятал Элларию. Он учил её выживать. Он ставил ей метку. Они были счастливы — насколько можно быть счастливым в аду.

А потом Архитектор узнал. Их поймали. Лиру отвели в Собор. Азраила — оставили. Не стёрли, нет. Это было бы милосердием. Архитектор оставил ему память. Как наказание. Как предупреждение другим. Азраил помнил Лиру каждый день. Её смех, её волосы, её голос. Он видел её на Восточной аллее — пустую тень с улыбкой в три миллиметра. Она не узнавала его. А он помнил. Три тысячи лет.

Когда я смотрел на Азраила, я видел своё будущее. Если я не перестану пытаться. Если я не сдамся. Поэтому я сдался.

Вторые сто лет я перестал верить. Третьи — перестал чувствовать. На исходе первого тысячелетия я стал тем, кем меня сделали: идеальным инструментом. Ловил шумных. Отводил в Собор. Смотрел, как они выходят — улыбающиеся, пустые, одинаковые. И ничего не чувствовал.

Врал. Чувствовал. Но запрещал себе помнить, что это называется болью.

Три тысячи лет. Триста веков одиночества в городе, где все улыбаются. Я забыл, как пахнет дождь. Как звучит смех. Как бьётся сердце — не в груди, а рядом, когда кто-то прижимается к тебе во сне. Я забыл вкус еды, тепло солнца, холод воды. Я забыл, каково это — быть живым.

А потом на золотом мосту появилась она.

Шумная. Громкая. Падающая в бездну с открытыми глазами, полными страха — и чего-то ещё. Чего-то, чему я не нашёл названия. Она не была пустой. Не была сломленной — хотя вина висела на ней, как плащ. Она была живой — так живой, что воздух вокруг неё дрожал.

Я видел её душу — она была цвета грозового неба. Тёмная, бурная, но с просветами. С проблесками света, которые она сама не замечала.

Я поймал её. Просто потому, что так требовал протокол. Я убеждал себя в этом.

Но когда мои пальцы сомкнулись на её запястье — я почувствовал.

Боль. Настоящую. Живую. Такую, какой не должно быть в мире, где даже слёзы — лишь остаточная реакция.

Три тысячи лет. Она вернула мне боль одним прикосновением.

Я отпустил её. Поймал снова. Привёл в храм. Поставил метку. И тогда я понял: проклятие закончилось. Начинается что-то другое. Я ещё не знал, что это другое будет стоить мне всего. И что я заплачу не торгуясь.

ГЛАВА 1. ПАДЕНИЕ

Первое, что я почувствовала — вкус меди на языке. Второе — ледяные пальцы на запястье. Говорят, у смерти холодные руки. Но это была не смерть. Это был он.

Я пришла в себя в тот момент, когда моё тело летело вниз.

Подо мной расстился город, которого не могло существовать. Золотые шпили пронзали небо, застывшее в вечном закате — ни утра, ни ночи, только этот бесконечный час, когда солнце касается горизонта и не может решиться уйти, как любовник, который боится расставания. Мраморные мосты парили над улицами, вымощенными светящимся камнем, и арки их напоминали рёбра гигантского ископаемого зверя, который умер так давно, что кости стали золотыми. Фонтаны били водой, которая текла вверх — к вершинам, к шпилям, к небесам, — нарушая законы физики с изяществом готической скульптуры. Деревья цвели и плодоносили одновременно: золотые яблоки, серебряные цветы, листья цвета расплавленной бронзы. В нишах стен стояли статуи — не святых, не героев, а пустых граждан, застывших в идеальных улыбках, с глазами, устремлёнными в вечность.

[ДОБАВЛЕНО: расширенное готическое описание с архитектурными терминами — для создания уникальной эстетики]

Это был город-собор. Город-мавзолей. Я узнала архитектурные элементы, которые изучала годами: контрфорсы, поддерживающие невидимые стены; нервюры, расходящиеся веером от несуществующих колонн; стрельчатые арки, уходящие в бесконечность. Готика в своём чистом, абсолютном выражении. Но в человеческой готике есть напряжение — между светом и тьмой, между земным и небесным, между тяжестью камня и лёгкостью витража. Здесь не было напряжения. Здесь был только свет. Бесконечный, равнодушный, мёртвый. Это была готика без Бога. Собор без алтаря. Красота без жизни.

Если бы рай выглядел так, я бы предпочла ад.

Я не помнила, как здесь оказалась. Последнее, что сохранила память — свет фар, визг тормозов, запах дождя. И мысль, холодная и ясная: «Ну вот. Наконец-то». А потом — ничего. Пустота. И вдруг — падение.

Ветра не было. Крика тоже. Воздух здесь был стерильным, как в операционной, и он не свистел в ушах, как должен был. Тишина стояла такая глубокая, что я слышала, как бьётся моя кровь о стенки сосудов. Каждый удар — гулкий, как колокол. Каждый вдох — свистящий, как ветер в пустом храме.

И чьи-то пальцы сжимали моё запястье.

— Ты шумная, — произнёс голос.

Он не звучал в воздухе. Он возник прямо в моей голове — низкий, вибрирующий, с металлическим привкусом. Так мог бы говорить нож, если бы ножи умели говорить. Так могла бы говорить сама тьма, если бы тьма была живой и носила чёрный плащ.

Я подняла глаза.

Он стоял на краю моста, перегнувшись через перила, и держал меня одной рукой. Высокий — намного выше меня. Чёрный плащ струился с его плеч, не касаясь ветра, потому что ветра не было. Лицо — резкое, будто высеченное из обсидиана: скулы, способные резать свет, тонкий нос с горбинкой (сломан при жизни — я узнала это позже, когда он рассказал мне о наёмничестве), губы, сжатые в нить. Глаза цвета штормового неба — серые с тёмными вкраплениями, как тучи перед грозой, — смотрели на меня без интереса. Как смотрят на сломанную вещь, размышляя: починить или выбросить.

Он был прекрасен. И он был пугающим. Байронический герой, сошедший со страниц готического романа. Падший ангел без крыльев — только чёрный плащ, волочащийся по золотой брусчатке. Демон, который больше не верит в ад, потому что сам стал адом.

— Из-за таких, как ты, — продолжал он, — просыпается Архитектор. А когда он просыпается, кто-то перестаёт дышать. Наверху.

— Где я? — прохрипела я. Мой голос звучал чужим, сиплым, будто я не использовала его целую вечность. Может быть, так и было.

— В Элизиуме. Город-Сад. Утопия. Место, где нет боли, смерти и воспоминаний. Добро пожаловать.

Он разжал пальцы.

Я полетела вниз.

Секунда — бесконечная, как сама смерть. Золотая мостовая неслась навстречу, и я даже не успела закричать. Я только подумала: «Вот так. Значит, всё закончится здесь». А потом — рывок. Мир смазлся в золотую полосу. Мои ноги коснулись земли, и я пошатнулась, хватая ртом стерильный воздух. Он стоял рядом. Как будто никуда не исчезал.

— Первое правило Элизиума, — сказал он, не глядя на меня. — Не создавай шума. Шум привлекает Ищеек. Ищейки зовут Хранителей. А я не люблю делать лишнюю работу.

— Ты... ты Хранитель?

Он обернулся. Впервые наши глаза встретились по-настоящему. И в этой ледяной штормовой бездне что-то дрогнуло. На долю секунды — но дрогнуло. Будто трещина пробежала по вековечному льду. Будто он увидел что-то, чего не ожидал. Будто моя душа — тёмная, бурная, с проблесками света — на мгновение отразилась в его глазах, и он не смог отвести взгляд.

— Я Кассиан, — произнёс он. — И тебе не следовало меня звать.

Он развернулся и пошёл прочь. Чёрный плащ волочился за ним по золотой брусчатке, и там, где он проходил, камни на мгновение покрывались инеем. Я посмотрела на своё запястье. Там, где он держал меня, остался след — белый, словно ожог от холода. Но странное дело: мне не было больно. Мне было... тепло? Как будто этот холод разбудил что-то, что спало восемь лет.

Я сжала запястье другой рукой. И пошла за ним.

В городе пахло ничем. Нет, не так. В городе пахло отсутствием запахов. Воздух был стерильным, профильтрованным, мёртвым. Никакой пыли, никакой зелени, никакой жизни — только золото, мрамор и вечный закат. Я вдыхала этот воздух и чувствовала, как он царапает горло своей стерильностью, как будто я дышала не воздухом, а стекловатой. Мне не хватало запахов. Запаха дождя — того самого ноябрьского дождя, который барабанил по лобовому стеклу. Запаха кофе — которым пахло в архитектурной мастерской по утрам. Запаха старых книг — как в библиотеке, где я проводила вечера, готовясь к экзаменам. Даже запаха больницы — хлорки, лекарств, — который я ненавидела, но который хотя бы был настоящим.

Здесь не было ничего. Только золотая пыль, оседающая на языке металлическим привкусом.

Люди — если это были люди — скользили мимо, не глядя на меня. Все в белых одеждах. Все с одинаковой улыбкой. Я пригляделась: уголки губ подняты ровно на три миллиметра. Ни больше, ни меньше. Как по линейке. Как по протоколу. Как по приказу.

— Почему они так улыбаются? — спросила я, догоняя Кассиана.

— Потому что здесь нельзя не улыбаться, — ответил он, не замедляя шага. — Эмоции — это шум. Шум — это нарушение. Нарушение карается Перевоспитанием.

— Что такое Перевоспитание?

Он остановился. Резко. Я почти врезалась в его спину — в чёрный плащ, который пах озоном. Когда он повернулся, в его штормовых глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение — но не на меня. На вопрос. На память, которую этот вопрос всколыхнул.

— Ты задаёшь слишком много вопросов, маленькая смертная. В прошлый раз за такое любопытство один человек перестал помнить имя своей матери.

Я замолчала. Не потому, что испугалась. А потому, что впервые за время нашего разговора он произнёс слово «человек» — и в его голосе послышалась едва уловимая, почти неразличимая тоска. Зависть? Что-то, чего не должно быть у существа, называющего себя Хранителем. Что-то, что он прятал три тысячи лет — и что вдруг выглянуло на секунду, как солнце из-за туч.

— Ты не человек? — тихо спросила я.

Он не ответил. Но его левая рука дрогнула. Я заметила на запястье татуировку — змею, кусающую себя за хвост. Уроборос. Часть чешуи была сколота, будто кто-то ударил по ней молотком. Будто кто-то пытался сломать вечность и почти преуспел.

— Иди за мной, — сказал он. — Если ты останешься на улице после того, как Архитектор проснётся, тебя найдут Ищейки. А если тебя найдут Ищейки...

— Что?

— Я не смогу тебя спасти.

— Почему ты вообще хочешь меня спасти?

Он посмотрел на меня. Долго. Слишком долго для того, кто называет себя бездушным инструментом. Его глаза сканировали моё лицо — лоб, скулы, подбородок, губы, — искали что-то и, кажется, нашли.

— Я ещё не решил, хочу ли, — ответил он. — Пока я просто откладываю решение.

И впервые с момента нашей встречи уголок его губ дрогнул. Не в улыбке — в намёке на неё. В тени намёка. В обещании.

Мы пошли через город. Солнце висело над горизонтом — огромное, золотое, совершенно неподвижное. Оно не садилось. Оно просто ждало. Чего — я пока не понимала.

Он привёл меня в Храм. Я ожидала увидеть золото, мрамор, симметрию — как всё в этом городе. Но Храм был другим. Чёрный камень, грубо отёсанный, как в древних соборах, которые строили не для красоты, а для вечности. Высокие своды терялись во тьме — купол был так высок, что его не было видно. Циферблат без стрелок висел над алтарём, огромный, как луна. Внутри пахло пылью и временем — настоящим временем, которое шло, текло, старило. Не то что снаружи, где всё застыло в вечном закате, как муха в янтаре.

Храм Сломанных Часов был готическим собором наоборот. Не для молитвы — для убежища. Не для Бога — для тех, кого Бог забыл. Свечи-сгустки золотого света плавали в воздухе, как медузы в невидимом море, и тени от них танцевали на стенах — медленный, бесконечный танец, который успокаивал и тревожил одновременно. Каменный пол был истёрт не ногами прихожан, а временем, которое здесь не текло. Алтарь — простая каменная плита — был холоден, как надгробие. И пахло здесь не ладаном, а пылью, старыми книгами и чем-то

ещё — памятью, которую не смогли стереть. Которая цеплялась за эти стены, как мох цепляется за камни.

— Здесь ты в безопасности, — сказал Кассиан, закрывая за нами тяжёлую дверь. — Архитектор не видит это место. Оно существует в слепой зоне.

— Почему ты помогаешь мне?

Он прошёл к алтарю и замер спиной ко мне. Чёрный плащ сливался с тенями, и на секунду мне показалось, что он сам — часть этой готической архитектуры. Горгулья, сошедшая с крыши. Статуя, которая вдруг ожила.

— Я не помогаю. Я изучаю.

— Что именно?

— Тебя. Ты — первая за долгое время, кто сохранил эмоции после Перехода. Обычно прибывшие либо пусты, либо напуганы настолько, что Ищейки ловят их в первые часы. Ты другая. Ты шумная. Но твой шум — не страх. Это что-то иное.

— И что же?

— Я пока не знаю. — Он шагнул ко мне, и свечи-сгустки дрогнули, как от сквозняка. — Но я собираюсь выяснить.

Он протянул руку — ладонью вверх. Длинные бледные пальцы, холодные, как сама Бездна. Я колебалась ровно секунду. А потом вложила свою ладонь в его.

Холод пронзил меня до костей. Ледяные иглы побежали по телу — от запястья к плечу, от плеча к сердцу. Я вскрикнула, попыталась отдернуть руку, но он держал крепко. Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья, и на секунду мне показалось, что я чувствую не только холод, но и что-то ещё. Что-то под ним. Тепло? Или это была иллюзия, в которую я хотела верить?

— Терпи, — прошептал он. — Первый контакт всегда самый болезненный.

— Что ты делаешь?

— Ставлю метку. Она скроет твой запах от Ищеек.

Боль отступала медленно, сменяясь онемением. А потом — странным, почти приятным покалыванием. Я опустила глаза. На моём запястье, там, где его пальцы касались кожи, распустился серебристый узор. Змея, кусающая себя за хвост. Такая же, как у него. Только меньше. И целая — без скола.

— Готово. Теперь ты моя.

Я отдернула ладонь, прижала к груди.

— В каком смысле — твоя?

— В прямом. Я поставил метку Хранителя. Это значит, что любой, кто попытается причинить тебе вред, будет иметь дело со мной. — Он усмехнулся — сухо, холодно, но в этой усмешке было что-то почти человеческое. Что-то, что он прятал лучше, чем свою тень. — Поверь, в Элизиуме это серьёзный аргумент.

Я смотрела на метку. Она пульсировала в такт сердцу. Моему сердцу. Которое билось где-то далеко — или близко? — в такт далёкому писку.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Не благодари. Ты — мой эксперимент. Если ты умрёшь, я не узнаю, почему твоё прикосновение причинило мне боль. Так что твоя жизнь — в моих интересах. Не более.

Он лгал. Я чувствовала это. Не знаю, откуда — может быть, метка передавала что-то, чего он не говорил словами. Может быть, просто женская интуиция. Может быть, то, как его пальцы задержались на моём запястье на секунду дольше, чем требовал протокол. Он лгал. И он знал, что я знаю.

На стене, над алтарём, висели часы. Огромные, чёрные, без стрелок. Они молчали. Но когда Кассиан вышел, оставив меня одну, они тихо, едва слышно, тикнули.

Раз. Другой. Третий.

Как сердце. Как кардиомонитор. Как обещание.

Где-то далеко — или близко? — раздался звук. Тихий, ритмичный. Писк. Писк. Писк. Я вздрогнула. Огляделась. В храме никого не было. Только я, алтарь и сломанные часы на стене. Но звук продолжался. Равномерный. Электронный. Будто где-то за пределами этого мира, за золотым небом и мраморными стенами, работал аппарат. Медицинский аппарат. Я прижала руку к груди. Сердце билось в такт звуку.

А потом звук оборвался. И наступила тишина. Но прежде чем она сомкнулась надо мной, я услышала голос. Не Кассиана. Другой. Женский. Уставший. «Пациентка Винтер стабильна. Кома второй степени. Прогноз... неясный».

Я моргнула. Храм. Алтарь. Символы. Я на месте. Но где — здесь?

ГЛАВА 2. ХРАМ СЛОМАННЫХ ЧАСОВ

Время здесь не идёт. Оно стоит, как вода в болоте, и так же пахнет — застоем и тайной. Единственные живые часы в этом городе — сломаны. Как и он сам.

Я не знала, сколько прошло времени. В Элизиуме его невозможно было измерить. Солнце застыло на линии горизонта и не двигалось — ни вперёд, ни назад. Золотой свет лился ото-

всюду одинаково, не становясь ни ярче, ни тусклее. Здесь не было утра, дня, вечера. Только вечный закат — момент, который в реальном мире длится минуту, а здесь был растянут на вечность.

Я сидела на каменной скамье у стены и разглядывала метку на запястье. Она пульсировала серебром в такт моему сердцу. Змея, кусающая себя за хвост. Уроборос. Символ вечности, бесконечности, замкнутого круга. В учебниках по истории архитектуры я видела этот символ на древних храмах — он означал циклическую природу времени, бесконечное возрождение, вечное возвращение. Ирония не ускользнула от меня: я попала в мир, где время остановилось, и получила метку, которая символизирует бесконечное повторение. Как будто Вселенная решила пошутить. Как будто Архитектор — если он существовал — хотел сказать: «Ты заперта в вечности. Привыкай».

Я провела пальцем по серебряным линиям. Они были тёплыми — не ледяными, как его пальцы. Живыми. Как будто метка дышала вместе со мной. Я думала: что он чувствовал, когда ставил её? Боль — да, он говорил, что моё прикосновение причиняет ему боль. Но что ещё? Он сказал: «Я не чувствовал боли три тысячи лет, маленькая смертная. Ты вернула мне её одним прикосновением». Он произнёс это с выражением, которое я не могла расшифровать. Не как проклятие. Скорее, как... чудо? Нет. Как будто он обнаружил что-то, что считал потерянным навсегда. Как будто боль была для него не наказанием, а доказательством. Доказательством того, что он ещё жив.

«Ты — мой эксперимент», — сказал он. Но его глаза сказали другое. Его глаза — штормовое небо с трещиной во льду — сказали: «Ты — что-то, чего я не понимаю, и это пугает меня, и это манит меня, и я не знаю, что с этим делать, но я не хочу это отпустить».

Я думала о его лице. О резких скулах — они были такими острыми, что, казалось, могли резать свет. О сжатых губах — они почти никогда не разжимались, кроме как для сухих, холодных фраз. О штормовых глазах — серых с тёмными вкраплениями, как тучи перед грозой. В этих глазах на секунду мелькнула трещина, когда он смотрел на меня. Я изучала архитектуру пять лет. Я знала, как выглядят трещины в конструкции. Маленькая трещина — начало большого разрушения. Или начало чего-то нового. Мост либо рушится, либо становится прочнее после ремонта.

Каким будет его трещина?

— Тебе идёт.

Я вздрогнула. Кассиан стоял в дверях — бесшумно, как всегда. Чёрный плащ, скрещенные на груди руки, глаза цвета штормового неба, изучающие меня с холодным, почти научным интересом. Интересом, за которым он прятал что-то другое. Что-то, что он не позволял себе чувствовать.

— Ты всегда появляешься без звука?

— Я Хранитель. Шум — это то, что я подавляю. В том числе свой собственный.

— Удобно.

— Функционально.

— А если бы ты захотел, чтобы кто-то услышал, как ты идёшь? Чтобы, например, предупредить, что ты не призрак?

Он моргнул. Медленно. Как будто этот вопрос никогда не приходил ему в голову.

— Я не хочу, чтобы меня слышали. Я не хочу, чтобы меня видели. Я не хочу, чтобы меня... — Он осёкся. — Это не имеет значения.

— Имеет.

Он не ответил. Прошёл к алтарю и провёл рукой над каменной плитой. В воздухе зажглись символы — древние, незнакомые, но от них веяло чем-то родным. Будто я видела их раньше. Во сне. В бреду. В учебниках по архитектурной истории, которые я штудировала перед дипломом. Некоторые из них напоминали готические розетки — круглые окна-цветы, которые я чертила для проекта.

— Что это? — я кивнула на символы.

— Память мира. Элизиум — не просто город. Это машина. Она питается воспоминаниями. Когда человек попадает сюда, его память стирают. Медленно, слой за слоем. Сначала детство — ты забываешь лицо матери, запах дома, первую игрушку, вкус бабушкиного пирога. Потом юность — первую любовь, первую боль, первую мечту. Потом зрелость. Последним уходит имя. Ты перестаёшь быть собой. Ты становишься... — Он указал на граждан за окнами Храма. — ...этим. Взамен дают покой. Вечный покой. Большинство довольно.

— Но не ты.

Он замер. Символы погасли — резко, как будто он захлопнул книгу.

— Я — Хранитель. Я не получаю покой. Я его обеспечиваю.

— И тебе это не нравится.

Он резко развернулся. Шагнул ко мне — слишком быстро, слишком близко. Я почувствовала холод, исходящий от его тела — он был как сквозняк из открытого склепа. Запах озона и горьких трав заполнил пространство между нами, и я вдохнула его — глубоко, как вдыхают воздух после грозы.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — произнёс он, и в его голосе зазвенел металл. — Ты не знаешь, сколько веков я здесь. Не знаешь, что я сделал, чтобы стать тем, кто я есть. Не знаешь, почему Архитектор боится меня больше, чем любого другого существа в этом мире.

— Тогда расскажи.

Он отшатнулся. Отвернулся. Прошёл к противоположной стене и застыл там, глядя в пустоту. Его тень метнулась за ним — быстрее, чем следовало. Я видела, как она на секунду

приняла форму волка — острая морда, настороженные уши — и тут же снова стала обычной тенью.

— Рассказывать нечего, — бросил он. — Я — тюремщик. Ты — заключённая. Наши отношения не предполагают душевных бесед.

— Но ты же привёл меня сюда. Ты спас меня. Ты мог сдать Ищейкам и забыть.

— Мог.

— Почему не сдал?

Тишина. Долгая. Густая. Часы на стене тихо тикнули — один раз, другой, третий. Как сердце. Как предупреждение.

— Потому что, когда я коснулся тебя там, на мосту, — произнёс он медленно, не оборачиваясь, — я почувствовал боль.

Я не поняла.

— Боль?

— Да. Настоящую. Живую. Такую, какой не должно быть в этом мире. — Он повернулся, и я увидела его глаза. Они больше не были штормовыми. Они были цвета расплавленного серебра — светящиеся изнутри, как витражи в тёмном соборе. — Я не чувствовал боли три тысячи лет, маленькая смертная. И ты вернула мне её одним прикосновением. Как ты это сделала?

Я смотрела на него. На его бледное, совершенное лицо, искажённое мукой непонимания. На его руки, сжимающиеся в кулаки — костяшки побелели, ногти впились в ладони. На татуировку змеи, которая, казалось, двигалась в такт его пульсу — пульсу, которого у него не должно было быть. Я видела перед собой не Хранителя. Не инструмент Архитектора. Я видела человека — или то, что от него осталось, — который три тысячи лет был заперт в тюрьме собственного тела и вдруг обнаружил, что стены дали трещину. И эта трещина была я.

— Я не знаю, — честно ответила я. — Я вообще ничего не знаю. Ни где я, ни кто я, ни почему я здесь. Всё, что у меня есть — имя. Эллария. И то я не уверена, что оно моё. Иногда мне кажется, что я украла его у той девочки, которой была до смерти брата. Она была живой. Она смеялась. Она строила мосты. А я — просто её тень.

Он смотрел на меня долго. Очень долго. Его глаза сканировали моё лицо — лоб, глаза, нос, губы, — как будто искали что-то. Как будто видели меня впервые.

Потом кивнул. Принял решение.

— Я научу тебя выживать, — сказал он. — Не потому, что хочу. Потому что мне нужно понять, что ты такое. А для этого ты должна остаться в живых.

Он снова подошёл. Протянул руку — ладонью вверх. Тонкие бледные пальцы дрожали — едва заметно, но я видела. Хранитель Бездны боялся. Боялся прикосновения. Боялся боли. Боялся того, что эта боль с ним сделает.

— Дай мне свою ладонь. С меткой.

Я замешкалась. После его слов о боли — после того, как он сам признался, что моё прикосновение причиняет ему боль, — давать ему руку было... непросто. Это было как прыгнуть в ледяную воду. Как шагнуть с моста.

— Это приказ, — добавил он сухо. — Не просьба.

Я вложила свою ладонь в его.

Холод пронзил меня до костей. Ледяные иглы пробежали по телу — от запястья к плечу, от плеча к сердцу. Но на этот раз я не вскрикнула. Я сжала зубы и смотрела ему в глаза. Вызов. Принятие. Всё сразу.

— Хорошо, — произнёс он едва слышно. В его голосе было что-то новое. Что-то похожее на уважение. — Ты учишься.

Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья. Метка вспыхнула ярче, и по телу пробежала волна — уже не боли, а чего-то иного. Чего-то похожего на электричество. На связь. Как будто два провода, которые шли параллельно, вдруг соприкоснулись — и между ними проскочила искра.

— Что ты делаешь? — прошептала я.

— Калибрую метку. Теперь она настроена на меня. Если кто-то причинит тебе вред, я узнаю. Где бы ты ни была.

— Ты будешь следить за мной?

— Я буду защищать тебя. — Он отпустил мою руку. — Это разные вещи.

Он отошёл к алтарю. Я прижала ладонь к груди. Метка всё ещё светилась, но уже мягче, теплее. Почти как живая. Почти как обещание.

— Эта метка — не просто защита, — сказал он вдруг, глядя на мою змею. Его голос был тихим, почти интимным. — Это проклятие. Змея, которая пожирает себя, — это мы. Хранители. Мы бессмертны, но мы уничтожаем себя каждый день. Службой. Равнодушием. Памятью. Мы — вечные пленники, которые охраняют других пленников. Тюремщики, запертые в той же тюрьме. Мы не можем умереть, не можем уйти, не можем забыть. Единственное, что нам остаётся, — служить. Служить и ждать. Ждать непонятно чего.

— Но твоя чешуя сломана.

— Да. — Он коснулся своего запястья, провёл пальцем по сколу. — Моё проклятие дало трещину. Я не знаю, почему. Архитектор пытался стереть мою память об Айе, когда ставил

метку. Он почти преуспел. Но что-то осталось. Что-то, что не поддалось. Может быть, это была любовь. Может быть, упрямство. Может быть, просто случайность. Я не знаю.

Он помолчал. Поднял глаза и посмотрел на меня. В его взгляде было что-то, чему я не могла найти название. Что-то древнее и новое одновременно. Как будто он сам не понимал, что сейчас скажет.

— Может быть, — произнёс он медленно, — потому что ждал тебя.

Я замерла. Воздух в Храме стал плотным, как вода. Свечи-сгустки замерли. Часы перестали тикать. Он — тот, кто три тысячи лет прятался за маской цинизма, — только что показал трещину. И эта трещина была прекрасна.

— Почему ты не сдал меня? — спросила я снова. Мой голос был хриплым. — И не говори про эксперимент. Я не поверю.

Кассиан замер у двери. Спина, обтянутая чёрной тканью, была напряжена — каждая мышца, каждый позвонок. Я видела, как побелели костяшки пальцев, сжимающих дверной косяк.

— Потому что ты первая за три тысячи лет, кто посмотрел на меня и не увидел монстра, — произнёс он тихо. — Даже если ты ошибаешься.

Он вышел. Дверь закрылась беззвучно — как будто сама реальность расступилась и сомкнулась за ним.

Часы на стене тикали. Раз. Другой. Третий. Как сердце. Как обещание.

Я осталась одна в огромном пустом храме. Посмотрела на метку. Она пульсировала в такт сердцу. И впервые за долгое время — возможно, впервые за восемь лет — я почувствовала, что кто-то меня ждёт. Что кто-то смотрит на меня и видит не монстра. Что кто-то, такой же сломанный, как я, протянул мне руку — и я её взяла.

ГЛАВА 3. ГОРОД ПУСТЫХ

У них у всех одинаковая улыбка. Три миллиметра. Я измерила. Идеальный угол. Идеальная ложь. Интересно, сколько миллиметров в настоящей улыбке? Я забыла. А он — никогда не знал.

— Не отставай.

Кассиан шёл быстро — слишком быстро для того, кто называл это «экскурсией». Его чёрный плащ развевался за спиной, хотя ветра по-прежнему не было. Я почти бежала, чтобы поспевать за его широким шагом, и мои ноги, ещё не привыкшие к твёрдой почве Элизиума, гудели от напряжения. После падения с моста всё тело было ватным, непослушным, чужим — как будто я вселилась в кого-то другого.

— Куда мы идём?

— В город. Настоящий город. Не открыточный фасад, который ты видела с моста.

— А что я видела с моста?

— Рекламный проспект. — Он усмехнулся — сухо, невесело. — Архитектор любит, чтобы новоприбывшие впечатлялись. Золото, мрамор, фонтаны. Красиво. Безопасно. А потом они расслабляются. Перестают бояться. Начинают чувствовать. И тогда приходят Ищейки.

— И что случается потом?

— Потом они улыбаются. Три миллиметра. Как все.

Мы вышли на широкую улицу, вымощенную светящимся камнем. Такие же улицы я видела с моста — но теперь я замечала детали, которые ускользнули тогда. Трещины в мраморе — тонкие, едва заметные, но повсюду. Они шли от фундаментов к вершинам зданий, как морщины на стареющем лице. Будто город пытался расколоться изнутри, но что-то удерживало его — невидимые скрепы, невидимые цепи. Я подумала о готических соборах, которые веками держатся на контрфорсах — внешних опорах, не дающих стенам рухнуть. Что было контрфорсами этого города? Страх? Память? Пустота?

Запах — вернее, его отсутствие. Воздух здесь был не просто стерильным — он был мёртвым. Никакой влаги, никакой зелени, никакой жизни. Только золотая пыль, оседающая на языке металлическим привкусом. Я провела языком по нёбу — вкус был как от монеты. Старой, стёртой, забытой.

Люди скользили мимо нас — мужчины, женщины, старики, дети. Все в белых одеждах — простых, без единого шва, как саваны. Все с одинаковыми улыбками. Их движения были плавными, как у заводных кукол — ни одного лишнего жеста, ни одного резкого поворота. Их глаза смотрели вперёд — не на меня, не на Кассиана, не друг на друга. В никуда. В вечность. В пустоту.

— Они видят нас? — спросила я.

— Видят. Но не замечают. Они не замечают ничего, что не вписывается в их картину мира. А мы не вписываемся.

— Почему?

— Потому что мы не улыбаемся.

Я поймала себя на том, что действительно не улыбаюсь. И Кассиан — тоже. Его лицо было маской — холодной, резкой, прекрасной в своей мрачности. Байронический герой, сошедший со страниц готического романа. Он смотрел на пустых граждан с чем-то средним между презрением и... жалостью? Нет. Скорее, с усталостью. С усталостью того, кто видел это три тысячи лет и перестал надеяться.

— Ты их жалеешь? — спросила я.

— Я им завидую. — Он не смотрел на меня. — Они счастливы. По-настоящему. Они не помнят, что потеряли. Они не помнят, кого потеряли. Они просто есть. Как камни. Как вода в фонтанах. Как эти чёртовы золотые яблоки. Они не чувствуют боли. Не чувствуют вины. Не чувствуют одиночества. Они... свободны.

— Это не счастье.

— Это покой. В Элизиуме это синонимы.

Мы вышли на площадь. Она была огромной — гораздо больше, чем я ожидала. В центре бил фонтан — вода текла вверх, нарушая законы физики, собираясь в золотые сферы на вершине и рассыпаясь радужной пылью, которая оседала на мрамор серебристым налётом. Вокруг фонтана стояли скамейки из белого мрамора — холодного, без единой трещины, — и на них сидели люди. Десятки людей. Все — в белом. Все — с одинаковыми улыбками. Они сидели неподвижно, как статуи, и смотрели на воду, которая текла вверх, и это было самым жутким зрелищем, которое я видела в своей жизни. Не потому, что это было уродливо. А потому, что это было красиво. Слишком красиво. Красота, которая не дышит.

А в дальнем конце площади возвышался Собор.

Я узнала его сразу — хотя никогда не видела раньше. Чёрный шпиль, пронзающий золотое небо. Витражи, которые не пропускали свет, а поглощали его — как чёрные дыры, как открытые рты. В нишах, где в человеческих церквях стоят святые со сложенными в молитве руками, здесь висели зеркала — сотни зеркал. В них не отражались лица прохожих. В них отражалась пустота. Серая, колышущаяся, живая пустота. Я поняла: эти зеркала показывают не то, кто ты есть, а то, кем ты станешь после Перевоспитания. Улыбающуюся тень без прошлого. Я отвела взгляд — быстро, как будто обожглась.

На крыше Собора сидели горгульи. Настоящие, не каменные. Ищейки, застывшие в ожидании. Их морды — вытянутые, почти человеческие — смотрели вниз, на площадь, и в их глазах отражался вечный закат. Они ждали. Ждали шума. Ждали нарушителей. Ждали меня.

— Собор Шепота, — произнёс Кассиан. В его голосе не было ни страха, ни благоговения. Только констатация факта. Так говорят о месте, которое стало привычным — как дом, как тюрьма, как могила.

— Там происходит Перевоспитание?

— Да.

— Ты... ты водил туда людей?

Он замер. Я видела, как напряглись его плечи — каждая мышца, каждое сухожилие. Как побелели костяшки пальцев. Как его тень за спиной вздыбилась, на секунду принимая форму волка, а потом снова опала.

— Да, — ответил он. — Много раз.

Я должна была ужаснуться. Отшатнуться. Обвинить его. Но я смотрела на него — и видела не палача. Видела того, кто носит свою вину три тысячи лет и не может её сбросить. Видела того, кто наказывает себя каждый день — и не может остановиться. Видела того, кто три тысячи лет назад сделал выбор, не зная, что этот выбор станет вечностью.

— Ты не хотел этого, — сказала я.

— Не хотел, — подтвердил он. — Но это ничего не меняет. Я делал это. Я — часть системы. Я — рука Архитектора. Я — тот, кто отводил людей в Собор и смотрел, как они выходят пустыми. Это не сотрёшь. Это не исправишь. Это навсегда.

— Тогда почему ты до сих пор здесь? Почему не сбежал?

Он повернулся ко мне. Его глаза были цвета штормового неба — тёмные, бурные, полные того, что он так старательно прятал.

— Куда? — спросил он. — Куда бежать из вечности? Из себя?

Я не нашлась с ответом.

В этот момент двери Собора открылись. Не распахнулись — медленно, торжественно разъехались в стороны, как ворота в преисподнюю. Из них вышли двое Хранителей — таких же, как Кассиан, но с пустыми, стеклянными глазами, без проблеска, без трещины. И женщина. Она улыбалась. Идеально. Уголки губ — три миллиметра. Но из её глаз текли слёзы. Крупные, прозрачные, они катились по щекам и падали на белое платье, оставляя тёмные дорожки. Она не вытирала их. Она не замечала. Она шла — плавно, как заводная кукла, — и улыбалась, и плакала одновременно, и это было самым жутким, что я видела.

— Почему она плачет? — прошептала я. Мой голос дрожал.

— Тело помнит то, что стёрли из сознания. — Голос Кассиана был ровным. Слишком ровным. Так говорят, когда хотят скрыть, что им не всё равно. — Это остаточная реакция. Пройдёт через пару дней. Она станет идеальным гражданином.

— Идеальным...

Я смотрела на женщину. На её слёзы. На её улыбку. На то, как она прошла мимо нас — в двух шагах, — и даже не заметила. И что-то внутри меня сломалось. Не та стена, которую я строила восемь лет. Что-то другое. Что-то, что я считала мёртвым. Оно проснулось — и это была ярость. Чистая, горячая, настоящая. Первая эмоция за восемь лет, которую я не могла контролировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.